

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.
В27 Баллады тюрем и заграниц / Михаил Веллер. —
Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Книги
Михаила Веллера).

ISBN 978-5-17-121323-7

Сборник иронических легенд и забытых былей золотой советской эпохи, продолжающий тему «Легенд Невского проспекта».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

**БАЛЛАДЫ ТЮРЕМ
И ЗАГРАНИЦ**

БАЛЛАДА ДАТСКОЙ ТЮРЬМЫ

Дания — страна скучная. Но вообще ничего. Жить можно. Если кому охота ничего не делать и жить спокойно — место очень подходящее.

Датчане гордятся тем, что их королевская династия — сегодня древнейшая в мире: не прерывается уже тысячу лет. И любят вспоминать, что когда во время Второй Мировой войны оккупировавшие их немцы приказали всем евреям нашить желтые звезды, назавтра король вышел на улицу с могоендовидом на черном пальто; начиная с чего и не допустил акции.

Теперь прибавим к этому викингов, завоевавших Англию и державших в страхе пол-Европы, замок Эльсинор, где Гамлет разбирался с родственниками, и необыкновенно человеколюбивое законодательство, позволяющее любому бездельнику отлично жить на кучу социальных пособий. И завершим этот краткий обзор знаменитым и действительно прекрасным парком развлечений Тиволи.

После этого делается понятным, почему две старушки на улице, к которым я обратился с просьбой обменять мне горсть мелочи на одну крону, имея в виду позвонить из автомата, —

зашипели старушки под бряк моих монеток, и прервали меня презрительно советом идти работать, а соседние старушки оплевали мой английский приказом учить датский. Забодали их попрошайки-иммигранты из интересных стран, приехавшие за скучной хорошей жизнью.

Итак, жил-был в Петербурге юный поэт. Малоизвестный, как водится. В Петербурге и маститым старым поэтам не шибко сладко живется, а уж о молодых дарованиях и говорить не приходится. Поэт хотел писать стихи, а еще он при этом хотел хорошо жить. Вдобавок это был женатый поэт. Женатым людям вообще не шибко сла... но, кажется, мы начинаем повторяться. Жена была его единственным слушателем, и таким образом он рассматривал ее как необходимый элемент своей творческой жизни. А вообще жизнь была дерьмо.

В дерьме случались отдельные зерна типа если не жемчужных, то хотя бы кукурузных. Например, однажды поэт удостоился читать свои вирши на вечере молодых дарований в ПЕН-клубе. И председательствовавший, известный поэт Виктор Кривулин, в порядке самокомпенсации за три часа бреда, который он по долгу положения был вынужден слушать, долго и с удовольствием рассказывал нищим пиитам, как он хорошо выступал в Дании. Я терпел, теперь вы потерпите. Должность председательствующего имеет свои приятные стороны даже у поэтов.

И наш поэт запал на Данию. Он представил себе, как гениально можно жить в Копенгагене на социал (социальное пособие), ни хрена не делать, гулять у Русалки и писать стихи. О, это именно тот коммунизм с человеческим лицом, о котором мечтали отцы-основатели! Недаром, недаром отдал свою молодую жизнь Гамлет за счастье будущих поколений романтиков и поэтов.

Из чего можно сделать тот верный вывод, что романтизм и дармоедство совмещаются у поэтов удивительным образом, но

очень крепко. Этим поэтам палец в рот не клади, они только с виду безобидные.

Поэт велел жене собирать чемодан — они едут в Копенгаген. Как, на что?! Все продадим. Что продадим?! Гм. Одолжим. Купим самый дешевый тур. И попросим политического убежища. Будем шикарно жить. Посылать подарки твоим родителям.

Жена подумала и спросила, почему же тогда все их друзья-поэты еще не живут в Дании? И получила ответ, что все эти поэты идиоты. Поэт вообще склонен отказывать собратям по ремеслу в умственных способностях.

Но жены поэтов лучше разбираются в жизни. Это ведь они вынуждены кормить шизофреников, которые рифмуют «украдкой» и «прокладкой». Жена полезла в атлас мира и выяснила, что Дания расположена на Ютландском полуострове, а полуостров — это часть суши, не менее чем с трех сторон окруженная морем. И всех желающих эта ограниченная суша вместить никак не может, разве что начать их спихивать в окружающее море. Для уточнения она позвонила в датское консульство, где ее страшно разочаровали: после девяносто первого года, когда лопнул Союз и настала свобода, россияне правами политических беженцев не пользуются, и вообще больше в Дании ничем не пользуются, халява капут, фрёкен.

Поэт попил водки, полежал в депрессии, временно прекратил писать стихи и проявил отменную предприимчивость. Не писать стихов вообще полезно.

Он схватил жену с чемоданом и переволок к ее родителям. Комнату свою сдал — дешево, но деньги за полгода вперед. Оформил загранпаспорта и купил самый дешевый тур в Данию. После чего походил по турфирмам и нашел такую, которая незадолго устроила ему и жене выписку из Петербурга задним числом, как бы годом раньше. Выписаться — не прописаться, дело несложное, если есть связи.

Такой же как он, молодой бедный поэт, работавший в газете, устроил ему командировку от газеты в Душанбе. И он явился в Душанбе, где идет война и все русские разбежались, и предъявил свою командировку в местной русской газете, и сообщил оставшимся полутора сотрудникам, что хочет у них немного поработать. Да с радостью, дорогой!

За три недели, живя в редакции, он обделал все свои дела. А именно: новые друзья обратились к своим местным друзьям, и ему сделали прописку задним числом. А больничные бланки с печатями он купил на базаре сам. И, разумеется, напечатал в газете свои стихи.

Предыстория окончена. Поэт с женой сел на паром и прочитал удаляющейся родине прощальный сонет.

Вечерний Копенгаген встретил его горячей от горизонта вывеской «Туборг». Тренированный таджикской войной и российской бюрократией герой со странным ощущением понял, что из мира бардака попал в мир потребления.

Утром сойдя на берег после уже оплаченного завтрака, он высмотрел полицейского и на хорошем английском сообщил: «Прогнило что-то в Датском Королевстве? Вы не чувствуете? А Шекспира вы читали? Неважно, тогда подскажите, пожалуйста, как проехать в лагерь для перемещенных лиц».

Лагерь был в часе езды на электричке. Это такой садик в загородке, где за зеленью белеет гостиничка-общежитие. Из будки у ворот высунул пивной живот привратник.

— Прошу политического убежища! — заявил поэт.

— Окей, — согласился привратник. — Из какой вы страны?

— Из Таджикистана. Сбежал от рezni.

— Поздравляю, — сказал привратник. — А Таджикистан — это где?

— Рядом с Афганистаном. Средняя Азия. Граница бывшего СССР.

Привратник пошевелил животом и покивал:

— Проходите. В комнате номер два вам покажут, в какую комнату селиться, и выдадут талоны на питание.

В комнате номер два, однако, вместо поселения и пропитания им устроили допрос. Российские загранпаспорта, идите гуляйте и плывите вон!

Но петербургский поэт — не тот продукт, чтобы вечно плавать. Он вытащил паспорта с душанбинской пропиской, три справки об избияниях с печатью душанбинской поликлиники, пачку душанбинских газет со своими стихами и статьями, и папку газетных вырезок о зверствах войны и преследованиях русских.

— Мы выросли на Андерсене, Торвальдсене и Кьеркегоре, — сказала жена по-датски при помощи русско-датского разговорника и стала плакать.

И датчане вынуждены были признать, что у них стало двумя нахлебниками больше.

В лагере супруги безбедно прожили год: приоделись в почти модные тряпки из благотворительных пожертвований, трижды в день спускались в столовую, привередливо ковыряя вполне качественную кормежку, курили баснословно дорогие в Дании сигареты (пять долларов пачка), покупаемые на отдельное табачное пособие, и ждали от департамента иммиграции постоянного вида на жительство.

Первые два месяца шло в кайф, а потом стало скучно. Рядом жили курды, югославы, эфиопы и албанцы. Они галдели, курили план, жрали как землеройные машины и были совершенно чужды поэзии.

Копенгаген оказался небольшим, а цены — бешеными.

В поисках слушателей для своих стихов поэт познакомился с русской общиной. Полсотни человек были расколоты на несколько группировок. При церкви была библиотека, по воскресеньям после службы там пили чай: одна партия с батюшкой в одной комнате, другая со старостой в другой комнате, а третья

с председателем общины пила пиво через дорогу. Что они пытались делить, человеку новому уразуметь невозможно.

Поэт затосковал. Тоска была, прожиточный минимум был, но пить было практически невозможно — бутылка водки под сорок долларов.

Против в два присеста месячное пособие, поэт снова временно перестал писать стихи, вместо этого проявив сообразительность. Он пошел в порт искать русское судно. При такой разнице цен только осел не прихватит несколько бутылок на продажу.

Ослов на русских судах нет, а бутылок гораздо больше, чем несколько. Поэт нахрюкался в хлам, тут же угостил новых друзей-мореманов и почитал им стихов. Они прониклись настоящей поэзией и предложили привозить ему водку хоть ящиками.

— Мужики, да я столько не выпью.

— И не пей. Мы ж не пьем.

— ?!

— Продавай. Ты чо. Все продают. Ты чо?

И он стал подторговывать. По мелочи так. Пошлялся по арабским лавочкам, организовал сбыт: с рейса — пару ящичков водчонки, десяток-другой блоков сигарет. Не зарываясь, чтоб конкуренты-поляки не сбросили в канал.

И даже приподнялся. Наши команды о нем уже знали. Свой, интеллигентный, надежный, петербуржец, дает сразу налом, и искать никого не надо. Шиковать он опасался, чтоб со всех пособий не сняли, счет в банке тоже опасно открывать, сплошная компьютеризация всех данных, а он же нищий, социальщик: так он сгонял на рейсовом катере через пролив в Швецию, полчаса ходу, виз не спрашивают, и раз в месяц клал деньги в банк в Мальмё.

И вот как-то берет он ящик водки, а выпить охота, и с ребятами посидеть. И прямо в каюте они одну бутылку раскры-

вают и шлепают. Он распечатывает только что купленный блок сигарет, морячки тащат закуску с камбуза; вторую открывают. Хорошо идет! Давай еще одну... А, да хрен с ним, с этим ящиком, хорошо сидим!

А потом он вызывает такси, они суют пузыри в карманы и едут погулять по городу. Лето, погода чудная, настроение что надо.

...Утром кто-то стучит в дверь. И сильно так, аж в голове отдается.

— Да-да... Войдите!..

Не входят. Стучат. Что за кретинизм...

Он с неохотой всплывает из глубокого сна. Постель жесткая, неудобная. Открывает глаза. Подушка серая, плоская... ерунда какая-то.

Опять стучат. Со стоном поворачивает голову и ничего не может понять.

Это по голове его легонько постукивает дубинка. А за другой конец дубинки держится полицейский. А за полицейским, как нимб, встает утреннее солнце.

Он отдает себе отчет еще в одной странности: пахнет необъяснимо. Просто гадостно воняет!

Хочет спустить ноги с кровати — и не может! Не спускаются ноги! Так, все, замели: нары, контрабанда, срок... ужас.

А полицейский сочувственно говорит:

— Что, сынок, перебрал? Вставай, не лежи.

До него доходит, что он лежит на тротуаре. Он кое-как встает, и полицейский морщит нос:

— Эх ты неудачно лег, сынок.

Здесь необходимо сказать пару слов о датских собаках. В этой изобильной стране методом вековой селекции, не иначе, вывели удивительных собак. С виду они обычные, но диаметр выходного отверстия равен так примерно калибру ротного миномета. И когда они гуляют, то следы их прогулок чудовищно

напоминают человечьи, причем от матерого едока. И сейчас этот след обжористого меньшого брата распределен у несчастного поэта по всему фасаду.

— Помыться бы тебе, сынок, — сочувствует сердобольный полицейский.

От всего этого мерзкого непотребства поэт приходит в себя. И тогда он понимает, что это ему всю ночь мешало спать. Он спал на здоровенном булыжнике. Откуда взялся единственный булыжник среди сплошного асфальта?.. И как удачно выбрано место на ровном и чистом, в сущности, тротуаре: тут тебе и камень, и какашка... стекло еще какое-то битое!.. Не порезался хоть?

Нет, не порезался. Все-таки Бог пьяниц бережет. Но откуда стекло?

Он поднимает глаза, и ему хочется заснуть обратно. Потому что он пролежал ночь прямо под разбитой витриной. Над витриной написано, что это ювелирный магазин. А в самой витрине, вперемешку с осколками, лежат, согласно вывеске, разные ювелирные изделия.

А полицейский соотносит между собой булыжник, алкаша с какашкой, разбитое стекло и драгоценности в витрине. И делает вывод:

— Сейчас я зачитаю тебе твои права. Или тебе сначала надо пива попить?

Из машины, которая, оказывается, стояла рядом, вылезает второй полицейский и протягивает нашему грабителю бутылочку пива. И он выслушивает свои права. Понимает отлично, соображение становится кристальное! Недаром датский язык на бесплатных курсах для беженцев учил.

И это кристально ясное соображение подсказывает ему, что он огреб лет восемь. Ограбление ювелирки со взломом. Да нет, скорее двенадцать.

Разгромленная витрина заклеивается крест-накрест лентой, и первый полицейский остается при ней. А второй сажает его

в машину, открывает окна, воротит нос и везет в отделение.

Там с него снимают показания. Пил на судне с русскими моряками, ничего не помню. Какое судно? Проверяют, сходятся. Полицейские добреют и даже начинают его жалеть: что же вы, говорят, такой молодой и бросились пить с русскими моряками.

Катают пальчики. Отпечатки на булыжнике сходятся, на осколках стекла сходятся. А где вы, интересуетесь, этот камень взяли? Черт его знает, откуда он взялся.

Но в карманах у него пусто — ни денег, ни драгоценностей. А хозяин магазина уже прорыл носом витрину — ничего не пропало, слава те Господи! И значит, налицо не ограбление, а только хулиганство, максимум — умысел: почему вы разбили именно ювелирную витрину? Но умысел еще доказать надо.

И заметьте: ночь простояла раздрызганная витрина с драгоценностями, и никто каким-то образом ничего не взял!

Нашего конвоируют в душ и советуют простирнуть костюмчик. Он льет на голову холодную воду, смывает с одежды следы ночлега, покаянно заводит руки за спину и спрашивает, куда идти.

— А где вы живете?

— Я указал в протоколе адрес. — Повторяет.

— Вот туда и идите.

— Как?..

— А как вы туда обычно ездите? На электричке. У вас же проездная карточка сохранилась, не потеряна.

Наш пытается уразуметь. Его что, не сажают, что ли?.. Нет, сажать можно только после приговора суда. Но он же совершил преступление... разбил витрину. — Вот суд и оценит. — А... пока? А пока вы подписали обязательство о невыезде. И, кстати, позвоните жене, она же волнуется, телефон у двери, у вас осталось право на один бесплатный звонок.

— А когда являться на суд?

— Вам придет открытка с точным временем.

И совершенно обалделый от своего счастья и этого гуманизма поэт катится домой, и если бы не трещала голова после русской водки, то впору парить на крыльях и петь датский гимн.

Месяц он парит и поет, второй парит и поет, на третий эта неопределенность начинает выматывать нервы: хочется приземлиться и спокойно молчать; определенности хочется.

И вот приходит приглашение на казнь. Жена собирает ему две сменки белья, теплый свитер, зубную щетку и сигареты. Он пишет поэму на манер «Баллады Редингтонской тюрьмы». И несколько знакомых из русской общины, которых он угощал водкой и стихами, сопровождают его в суд: и поддержать, и развлечься, и пожить общественной жизнью.

На выходе из ворот они встречают почтальона. И почтальон вручает ему конверт из Департамента иммиграции: ваше ходатайство рассмотрено и удовлетворено, вы получаете постоянный вид на жительство и вноситеесь в очереди на муниципальную квартиру и всякие социальные блага.

Это же необходимо вспрыснуть! Ну хоть по чуть-чуть! Они заворачивают в бар, пьют за Данию и за начало новой жизни. И на такси, опаздывая и в прекрасном настроении, прикатывают в суд. Поэт всех любит и готов сидеть вечно.

Вечность прокурор измерил семью годами. Обвиняемый побелел и поклялся себе бросить пить вообще.

Но датский суд демократичен, и наступил черед бесплатного государственного адвоката. А кто обычно государственный и бесплатный? Молодой, который еще не купил частную практику и не выработал ценз по времени и выигранным делам. И этот молодой боец выскакивает на ринг. По фигу ему поэт, он дерется за свою карьеру.

Он кратко освещает творческий путь поэта: любил, страдал, принес свой духовный вклад в датскую сокровищницу. Он

выразительно воспеваает успешную забеременеть на датских кормах жену поэта: пусть лучше семью кормит муж, чем налогоплательщики. Он вдребезги разносит претензию обвинителя на умысел к ограблению: помилуйте, все на месте, перестаньте плодить преступность на бумаге. И только после этого, размяв, так сказать, соперника, наносит нокаутирующий удар.

Он предъявляет суду рекламу стекольной фирмы, поставившей ювелиру это витринное стекло: оно и небьющееся, и пуленепробиваемое, и не нуждается в дополнительной защите, и вообще способно выдержать чуть не ядерный взрыв.

Он предъявляет иск ювелира к фирме: обман клиента, нарушение прав потребителя и нарушение закона о рекламе. И присовокупляет к нему ответ фирмы: кается, признает, за свой счет заменяет стекло на улучшенное и гарантированное — и благодарит клиента за то, что он помог фирме вскрыть недостатки продукции; плюс компенсирует моральный ущерб и частично материальный за полдня простоя в работе.

Это стекло вообще не должно было разбиться, гремит адвокат! И не было бы никакого преступления, и никакого суда, и никакой траты государственных средств! Да этому парню вообще надо предоставить место эксперта у стекольщиков!

И шлепает на судейский стол письмо злосчастной фирмы: она признает свою вину, благодарит обвиняемого и согласна оплатить судебные издержки. Еще бы нет. Попадет дело в газеты — и прощайся с покупателями: покупаешь пуленепробиваемое, а его любой пьяный камнем разносит.

Адвокат от имени обвиняемого выдвигает фирме иск: халтурите, гады, а вот по вашей вине люди страдают. Ну, задел камнем — а вы что обещали?!

Друзья аплодируют. Поэт балдеет. И получает два месяца. Все-таки хулиганство имело место...

Поэт искренне благодарит суд, радостно целует через барьер жену и заводит руки за спину: куда идти.

— А вы где живете?

— Пока в лагере для перемещенных лиц.

— Вот туда и идите.

— Как?

— Это ваши проблемы. В вашей подписке о невыезде оговорено, что вы являетесь по вызову в суд и тому подобное за свой счет. Транспортом не обеспечиваем.

Поэт ничего не понимает. А сидеть-то... куда идти?

— Когда надо будет сидеть — вас вызовут. А пока ступайте.

— Позвольте, — говорит поэт, — но как же так? Мне ведь уже дали срок!

— Чем вы недовольны? Хотите начать отбывать наказание прямо сейчас? Это не предусмотрено.

— Но я же... могу сбежать! — возражает он.

— Куда? — удивляются они.

— Ну... в Швецию.

— Зачем? Вам никто не даст вид на жительство. Провести жизнь в бегах? А когда вернетесь — срок добавят. А после отсидки — лишат датского вида на жительство и депортируют. Так куда же вы денетесь?.. А жить на что будете?

Очень логично.

Тюрем в Дании не хватает. Новая тюрьма денег стоит. А какая ж это партия, пришедшая к власти, объявит, что собирается тратить бюджетные деньги на строительство тюрем? Народ их не поймет!.. Вот они и сидят по очереди. Нет, вы поняли?

А сбежит — и хрен с ним, нахлебников меньше: к нам уже не суйся.

И поэт привыкает жить под дамокловым мечом. И через полгода этот меч на него обрушивается в виде присланной анкеты на шести листах: какими болезнями болели? сколько психов в роду? рост, вес, приметы; профессия, хобби, какими видами спорта увлекаетесь; предпочитаете сидеть на солнечной стороне или тенистой? не помешает ли отсидка вашему